

У. Уитмен

Избранные стихотворения и проза

Пер. К. Чуковского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
У11

У11 **У. Уитмен**
Избранные стихотворения и проза: Пер. К. Чуковского / У. Уитмен – М.: Книга по Требованию, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-458-24031-4

Прекрасная подборка произведений великого американского поэта Уолта Уитмена. Перевод на русский язык , примечания и вступительная статья Корнея Чуковского.

ISBN 978-5-458-24031-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уолт Уитман стал общепризнанным классиком. Длительный период борьбы за предоставление ему почётного места в истории американской — и всемирной — словесности закончился полным триумфом поэта. Одним из очень многих свидетельств прочности и бесспорности его окончательно завоёванной славы является величественный памятник, поставленный ему недавно в Нью-Йорке. Открытие этого памятника с энтузиазмом приветствовали широкие массы Америки, причём американские писатели, выступавшие на этом торжестве, единогласно отметили могучее влияние Уолта Уитмана на передовую литературу страны.

И в Соединённых Штатах, и в Англии литература о нём превратилась в непрерывный поток. Ни об одном из тех знаменитых писателей, которые при его жизни затмевали его, не печатается в настоящее время и десятой доли того количества книг и журнальных статей, какое в последние годы посвящается всё новым исследованиям его биографии и творчества.

Изучение Уитмана в нашей стране началось задолго до того, как его окончательно признали на родине. Настоящее издание является десятым изданием «Листьев травы».

Все входящие в эту книгу переводы стихов заново сверены с подлинниками, многое исправлено, внесены кое-какие дополнения. Даны новые переводы стихов, не входившие ни в одно из предыдущих изданий.

Впервые даны образцы прозы Уолта Уитмана, причём отрывки подобраны так, чтобы представить в наиболее сконцентрированном виде разнообразие прозаических стилей писателя.

В приложении к книге помещены две заметки: «Тургенев и Толстой об Уолте Уитмане» и «Уолт Уитман и Маяковский». Первая из этих заметок частично основана на неизданных материалах. Обе они представляют собою отрывки из неопубликованной работы «Уолт Уитман в русской литературе».

Переводя Уитмана, я отнюдь не стремился к тому, чтобы дать

буквальный подстрочник. Подобные подстрочники при переводе произведений поэзии бывают меньше всего адекватны оригинальному тексту. В буквальном переводе строки стихотворений Уитмана, и без того очень длинные, выходят по-русски чуть не втрое длиннее и теряют весь свой лаконизм, так как русские слова значительно длиннее английских и, кроме того, английский синтаксис сжимает фразу до крайних пределов, что несвойственно нашему синтаксису. Когда Уитман, например, говорит:

Fierce-throated beauty, —

нам приходится переводить описательно:

Красавец с неистойвой глоткой, —

ибо нельзя же сказать: «неистоиво-глоточный красавец»!

И там, где у Уолта Уитмана фраза из трёх слогов:

Bat-eyed priests
(бэт-айд пристс), —

по-русски приходится ставить целых двенадцать слогов:

Священники с глазами летучих мышей.

Это в четыре раза удлинняет строку и убивает весь её ударный эффект, а «летучемышеглазые священники» по-русски, к сожалению, немыслимы.

Для того чтобы сделать ритмику своего перевода более близкой к ритмике подлинника, я считал необходимым жертвовать иногда некоторыми менее ценными словами и фразами, то есть делал то, что делают все переводящие поэтов стихами. Думаю, что это единственный метод, ибо при подстрочном переводе стихи Уитмана становятся прозой, несколько не похожей на подлинник.

О принципах перевода Уолта Уитмана на русский язык см. мою книгу «Высокое искусство», М., 1941, стр. 15—18.

Краткий перечень книг и статей о жизни и творчестве Уитмана, которыми я пользовался при написании вводной статьи, дан в конце настоящей книги.

УОЛТ УИТМАН, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

I

Вальтер Уитман родился 31 мая 1819 г. в штате Нью Йорк, на пустынном и холмистом Долгом острове, на берегу Атлантического океана, в малолюдном посёлке Уэст Хиллз (Западные холмы).

Долгий остров, по-английски Лонг Айленд, своей формой похож на рыбу. Это длинная полоса земли протяжением в 120 миль, тесно примыкающая к тому островку, на котором расположен Нью Йорк.

Там уже двести лет жили деды и прадеды Уитмана, патриархальные, крепкие семьи голландских и английских фермеров, полупомещики, полукрестьяне. Жили сытно, работали дружно, книг не читали, любили лошадей, ходили в церковь, пили эль, доживали до глубокой старости.

Мать поэта, Луиза, всю жизнь оставалась неграмотной. Она происходила из голландской семьи. Её девичья фамилия — Ван Вельзор. Это была молчаливая, радушная, смышлёная женщина, вечно занятая детьми и хозяйством. Кроме Вальтера, у неё было восемь человек детей. Вальтер и в зрелые годы любил её, как малый ребёнок. До конца её жизни обеих связывала необыкновенная дружба.

Её голландская кровь сказывалась в нём очень заметно. Было что-то фламандское, рубенсовское в его крупной, массивной фигуре, в его голубоватых глазах, в его нежной и тонкой коже, в его золотистом румянце, в его спокойной, флегматической походке и, главное, в его замечательно ровном, несуетливом характере.

С отцом у него не было особенной близости. Отец, сумрачный, молчаливый гигант, нередко покидал свою ферму, уходил в соседние городки и посёлки и работал там в качестве плотника: ставил деревянные срубы домов, строил сарай, амбары.

Одно время Вальтер помогал ему плотничать, но, кажется, очень недолго, так как вообще никогда не стеснял себя долгой работой, и почти до сорокалетнего возраста не было такого труда, которому он отдался бы со страстью. Да никто и не требовал от него такого

труда, ибо отношения людей, среди которых он жил, были так благодушны и дружественны, что в «Песне о себе» он мог с полным основанием сказать:

Всё вокруг было нежно ко мне, мне не на что жаловаться.
Понистине, на что же мне жаловаться!

В этих словах была проповедь, но, в сущности, их можно прочесть как его биографию, ибо действительно вся его жизнь до самых седин протекала без обид и напастей, и атмосфера, которая окружала его, кажется необыкновенно уютной, особенно если сравнить его молодость с молодостью какого-нибудь русского автора, принадлежавшего приблизительно к тем же социальным кругам.

Он был четырёхлетним ребёнком, когда его семья временно перекочевала на жительство в Бруклин, в новый дом, построенный руками отца. В настоящее время Бруклин — часть Нью Йорка, а тогда это был самостоятельный город, который всё ещё назывался посёлком, Мальчика отдали в бруклинскую школу. Учился он не хорошо, не плохо, на учителей производил впечатление увальня.

Едва ему исполнилось одиннадцать лет, его взяли из школы, и там же, в Бруклине, он поступил на службу к одному адвокату в качестве конторского рассыльного. Задумчивый, тяжеловесный, медлительный, едва ли он был подходящим рассыльным, но и его хозяин и хозяйские дети оказались очень добры к нему: заботились о его воспитании, старались приохотить его к чтению, записали его в библиотеку, где он мог прочесть и «Тысячу и одну ночь», и Вальтер Скотта, и Купера.

Словом, работа была очень нетрудная, однако, вскоре он бросил её и стал работать в качестве лакея у некоего бруклинского доктора, от которого, впрочем, тоже ушёл через несколько месяцев и поступил учеником в типографию местной еженедельной газетки, издававшейся бруклинским почтмейстером.

Здесь тоже были ласковы к нему и не угнетали его чрезмерной работой. Типографскому ремеслу обучал его старый наборщик, вскоре подружившийся с ним. К своим рабочим владелец типографии относился вполне идилически: водил их в церковь, ездил с ними на прогулку верхом, устраивал для них экскурсии за город. Ни обид, ни притеснений, ни грубостей мальчик и здесь не видал. И так как у него было много досуга, он стал сочинять для газеты стишки и статейки, которые почтмейстер охотно печатал, хотя в них не чувствовалось большого таланта.

Впрочем, вскоре Вальтер покинул газету почтмейстера и поступил в другую типографию, где с первых же дней приобрёл репутацию неисправимого лодыря. Его новый хозяин, издатель бруклинской газетки «Звезда», насмешливо заметил о нём: «Ему даже трястись будет лень, если на него нападёт лихорадка».

Так он дожил до семнадцати лет. Широкоплечий и рослый, он казался гораздо старше. Больше всего он был похож на матроса. Каждое лето, когда ему надоедало работать в Бруклине, он уезжал на родную ферму, в глубь своего любимого острова, и часто уходил к берегам океана полежать на горячих песках.

Эта ранняя склонность к одиночеству, к задумчивому и молчаливому созерцанию океанских просторов является главной чертой его биографии. Океан, песчаное побережье и небо — таков был привычный ему беспредельно широкий пейзаж, который в течение всей его жизни могуче влиял на него. С детства у него перед глазами были только безмерные дали, только огромный и пустой горизонт: ничего случайного, мелкого. С детства природа являлась ему в самом грандиозном своём выражении. Не отсюда ли та космическая широта его образов, та «океаничность» его чувств и мыслей, которая и сделала его впоследствии гениальным поэтом?

До поры, до времени эти чувства и мысли, невнятные ему самому, были словно заперты в нём, таились под спудом и никак не сказывались ни в его биографии, ни в его первоначальных писаниях.

Было похоже, что ему навсегда суждено затеряться в огромной толпе третьестепенных литературных ремесленников. Едва ли нашёлся бы хоть один человек, который в то время рискнул бы предсказать ему великое литературное будущее.

2

В 1836 г. он переселился в Нью Йорк и там поступил в типографию наборщиком, но через несколько месяцев снова уехал на родину, где и прожил безвыездно четыре с половиною года.

Другие юноши как раз в этом возрасте покидают родные места и надолго бросаются в жизнь, как в бой, чтобы либо погибнуть, либо завоевать себе славу, а он удалился в своё захолустье и сделался школьным учителем в небольшом посёлке Вавилоне. Эта работа не сулила ему ни карьеры, ни денег, но зато у него оставалось много свободного времени, чтобы бродить по берегам океана или целыми часами купаться в той бухте, на которой стоит Вавилон. А так как родители обучавшихся у него малышей были обязаны по очереди кормить его у себя за столом, жить впроголодь ему не пришлось.

Впрочем, вскоре он забросил учительство, переехал в городишко Гентингтон, в двух шагах от родительской фермы, и там сделался редактором ежедневной газетки «Житель Долгого острова», для которой добыл в Нью Йорке типографский пресс и шрифты. Он не только редактировал эту газету, но и был единственным её наборщиком, репортёром, сотрудником. И каждый вечер превращался в почтальона: развозил её на собственной кляче по окрестным городам и полям. Впоследствии, на склоне лет, он любил вспоминать с благодарностью,

как приветливо встречали его под вечерними звёздами фермеры, их жёны и дочери. Впрочем, и этой работе скоро пришёл конец, так как, не желая тратить на газету слишком много труда, он стал выпускать её всё реже, пока ежедневный листок не превратился у него в еженедельный. Издатели отказались финансировать дело, находившееся в таких ненадёжных руках, и через несколько месяцев Вальтер снова учил детей в одном из соседних посёлков.

Казалось, он нарочно старался не сделать себе карьеры. Живя в стране, где богатство играло такую громадную роль, он ни разу не соблазнился мечтой о наживе. «Доллары и центы для него не имели цены», — вспоминал о нём позднее его друг. В этот, ранний период жизни и творчества Уитмана особенно наглядно сказалась хаотичность и выбкость его социальной природы. С одной стороны, он как будто рабочий, типографский наборщик. Но в то же время он потомственный фермер, крепко привязанный к старинному родовому гнезду, до старости не вполне оторвавшийся от деревенской земли. И в то же время он интеллигент: школьный учитель, редактор газет, журналист.

Таких хаотически-многообразных людей было немало в тогдашней Америке. Ещё так слаба была в этой стране дифференциация классов, что один и тот же человек сплошь и рядом совмещал в себе и мелкого буржуа, и рабочего, и крестьянина, и представителя интеллигентских профессий. Тридцатые годы были не в силах придать каждому гражданину заокеанской республики твёрдый, устойчивый, законченный облик. Даже в более позднюю пору — в пятидесятых годах — Карл Маркс имел все основания сказать о Соединённых Штатах, что, хотя там уже имеются классы, но они всё ещё «не фиксированы»¹. Процесс их стабилизации происходил очень медленно. В эпоху детства и юности Уитмана классы в его стране были так текучи, подвижны, изменчивы, границы между ними были до такой степени стёрты, что всякий легко и свободно переходил из одной общественной группы в другую, и сегодняшний иммигрант-пролетарий мог завтра же превратиться в земельного собственника.

Другой особенностью ранней биографии Уитмана является та атмосфера покоя, приволья, уюта, безопасности, которой были окружены все его дела и поступки.

Борьба за существование являлась, конечно, и для него обязательной, ведь он, как всякий «человек из низов», был вынужден в поте лица добывать себе хлеб, но какая лёгкая была эта борьба по сравнению с той, которую приходилось вести писателям-разночинцам в тогдашней Европе!

В те самые годы в далёкой России, в Петербурге Бенкендорфа и Дуббельта, мыкался по сырым и вонючим «петербургским углам» сверстник Вальтера Уитмана — Некрасов, и не было ни одного дня

¹ К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.

в его жизни, когда бы перед ним не вставал ультиматум: либо каторжный труд, либо голодная смерть. С полным правом говорил он о себе и о своей «окровавленной» музе:

Чрез бездны тёмные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела.

Весною 1841 г. Уолт Уитман, после долгого безвыездного проживания в родном захолустье, наконец-то переселился в Нью Йорк и там семь лет кряду неприметно работал в различных изданиях то в качестве наборщика, то в качестве сочинителя очерков, рассказов и злободневных статей.

В 1842 г. он, по заказу какого-то общества трезвости, написал роман: против пьянства для мелкого журнала «Новый Свет». В журнале об этом романе печатались такие рекламы:

Вниманию любителей трезвости!

**«ФРАНКЛИН ИВЕНС, ИЛИ ГОРЬКИЙ
ПЬЯНИЦА»**

современная повесть

ЗНАМЕНИТОГО АМЕРИКАНСКОГО АВТОРА.

Посвящается всем Обществам Трезвости,
всем ненавистникам пьянства
во всех Соединённых Штатах Америки.

Читайте и восхищайтесь!

*Талант автора и захватывающий сюжет
ручаются за несомненную сенсацию!*

*Повесть написана специально для журнала
«Новый Свет» одним из первоклассных романи-
стов Америки, дабы способствовать великому
делу и вырвать американское юношество из па-
сти Дьявола спиртных напитков!*

Впоследствии Уитман любил утверждать, будто, сочиняя этот антиалкогольный роман, он часто отрывался от рукописи и выбегать вдохновляться стаканами джина в соседний питейный дом под вывеской «Оловянная кружка».

Роман был неправдоподобен и прямолинейно наивен. Чувствовалось, что автор несколько не увлечён своей темой. И такое же равнодушие во всех его тогдашних писаниях. Ни одной самостоятельной мысли, ни одного сколько-нибудь смелого образа. Ещё до приезда в Нью Йорк он сделался членом господствующей Демократической партии и, послушно выполняя её директивы, являлся одним из её бесчисленных.

рупов. В 1846 г. он состоял редактором партийной газеты «Бруклинский орёл», но и здесь не проявил никакой самобытности¹.

Тогдашняя Демократическая партия, при всей своей радикальной фразеологии, была не чужда империалистских тенденций и всячески противилась скорейшему освобождению негров. Уитман в то время вполне разделял взгляды партии. Когда «демократы» настаивали на завоевании Мексики, он писал в своей газетке, что «мексиканцы невежественны, абсолютно коварны и полны предрассудков» и что «во имя прогресса» необходимо отнять у них землю. В негритянском вопросе он, в полном соответствии с установками партии, сурово порицал тех «фанатиков», которые требуют немедленного освобождения негров.

Казалось, что квиетизм, пассивность, непротивление злу на всю жизнь останутся главными чертами его личности. Ньютон Арвин отмечает в своей книге, что, хотя смолodu Уитман был отличным пловцом, он никогда не любил плыть против ветра или бороться с течением. «Я обладал необыкновенной способностью очень долго лежать на воде, — вспоминал поэт в беседе с Тробелом. — Ляжешь на спину, и пусть тебя несёт куда хочет. Плыть таким образом я мог без конца».

Эти слова чрезвычайно характерны для самых первооснов психологии Уитмана. «Думая о подлинном Уитмане, — проникновенно говорит Ньютон Арвин, — отнюдь не представляешь себе человека, который неистово бьётся с идущими на него огромными волнами, готовыми его сокрушить; чаще всего он рисуется нам спокойным пловцом, который лёг на спину и плывёт, вверяясь дружественной и надёжной стихии».

Вообще протест, негодование, гнев были чужды его темпераменту. Один из его друзей вспоминает, что даже докучавших ему комаров он не отгонял от себя. «Мы, остальные, были доведены комарами до бешенства, а он не обращал на них внимания, словно они не кусали его».

И вечно он напевал, беспрестанно мурлыкал какую-нибудь мажорную песню, но говорил очень редко, по целым неделям ни слова, хотя слушателем был превосходным. Никогда ни на кого не сердился, никогда ни на что не жаловался. Ко всему был равнодушно радушен.

Одевался он в те ранние годы, как щёголь: лёгкая тросточка, бутоньерка, цилиндр. Больше всего ему нравилось праздно бродить по Нью Йорку, внимательно и благосклонно разглядывая бурно клоко-чущие толпы прохожих.

¹ Теперь его газетные статьи полностью опубликованы в книгах Роджерса и Блэйка «Накопление сил» (1920) и в двухтомнике Эморн Холлоуэя «Несобранная поэзия и проза Уолта Уитмана» (1921). Критик Ньютон Арвин недавно исследовал их и обнаружил, что Уитман в те годы был типичным представителем консервативного крыла Демократической партии.

Был он тогда большим театралом. В качестве представителя прессы он пользовался правом свободного входа во все многочисленные театры Нью Йорка. Лучшие артисты всего мира выступали тогда перед нью-йоркскими зрителями. Особенно увлекался поэт приезжею итальянскою оперою: те же знаменитые певцы и певицы, которые с таким успехом гастролировали в сороковых годах и у нас в Петербурге,—Рубини, Альбони, Полина Виардо и др.,—пели несколько сезонов в Америке, и Уитман считал их гастроли важнейшими событиями своей впечатлительной юности.

По бесконечно длинному Бродвею (главная артерия Нью Йорка) проносились тогда со звоном и грохотом бесчисленные допотопные омнибусы. На козлах восседали быстроглазые дюжие весельчаки-кучера. Среди них были свои знаменитости: Типпи, Патси Ди, Портняжка, Франк-Великан, Старый Слон и др. Завидев Уитмана, они дружески здоровались с ним и охотно сажали его рядом с собою. Он читал им вслух отрывки из шекспировского «Юлия Цезаря», стараясь перекричать многоголосую улицу, а они с подлинно извозничьим юмором рассказывали ему всякие — по большей части не слишком пристойные — эпизоды из собственной жизни. С одним из них как-то случилось несчастье: он свалился с козел и сильно расшибся. Пострадавшего отправили в больницу; его семья осталась бы без хлеба, если бы Уитман не заменил его на козлах. Два месяца он ездил кучером, с вожжами в руках по Бродвею и каждую субботу отдавал жене больного всю свою недельную выручку.

Вообще друзей у него было множество, особенно среди простонародья. Уже тогда стала проявляться в нём та черта его личности, которую он называл «магнетизмом»: плотники, мастеровые, паромщики встречали его, как лучшего друга, и приветствовали с большой фамильярностью.

И ему уже было за тридцать, и голова у него поседела, а никто, даже он сам, не догадался, что он гений, великий поэт. Приближаясь к четвёртому десятку, — так неторопливо и мирно, — он не создал ещё ничего, что было бы выше посредственности: вялые рассказы в стиле Эдгара По, которому тогда все подражали, с обычными аллегориями, Ангелами Слёз и лунатиками, да дилетантские корявые стихи, которые, впрочем, янки-редактор напечатал однажды с таким примечанием: «Если бы автор ещё полчаса поработал над этими строчками, они вышли бы необыкновенно прекрасны», да нескладные публичные лекции, да мелкие газетки, которые он редактировал, истощая терпение издателей, — вот и вся его тогдашняя литературная деятельность. Раз (в 1848 г.) он даже ездил на гастроли в Новый Орлеан сотрудничать в газете «Полумесяц», но не прошло и трёх месяцев, как он снова сидел у Пфаффа в любимом кабаке на Бродвее, вспоминая ново-орлеанские напитки:

— Какой там чудесный кофе! Какие вина! И французский коньяк!

Так, без всякого плана, без всяких честолюбивых порывов прожил он половину жизни, не гоняясь ни за счастьем, ни за славой, довольствуясь только тем, что само плыло к нему навстречу, постоянно сохраняя такой вид, будто у него впереди ещё тысяча лет.

3

И вдруг вся его жизнь изменилась. Он стал как бы другим человеком. Вместо того чтобы плыть по течению, лениво отдаваясь волнам, он впервые в жизни наметил себе далёкую, трудно достижимую цель и отдал все силы на преодоление преград, которые стояли между ею и им. Впервые обнаружилась в нём его гениально-упрямая, фламандская воля. Начался наиболее трудный, наиболее важный, подлинно творческий период его биографии.

Правда, одно время казалось, что жизнь его всё ещё движется по прежнему руслу. Возвратившись с юга, он опять поселился в Бруклине и там примкнул было к новой политической партии («Свободная земля», Free Soil), более левой, чем та, к которой он принадлежал до той поры, но вскоре совсем отошёл от политики, стал всё чаще уединяться на родительской ферме или на берегу океана, исписывая груды бумаги своим тонким, извилистым почерком, и его семья с удивлением почувствовала, что теперь-то, впервые, у него появился какой-то жизненный план. Уж не собирается ли он выступить перед публикой с лекциями? «Он наготовил их целые бочки!» — говорила его простодушная мать о бесчисленных черновиках его рукописей¹.

Но, конечно, всецело отдаться своему новому труду он не мог. Приходилось хоть изредка писать для газет. К тому же его отец стал всё чаще прихварывать, и надо было, с топором в руках, помогать ему в его работе — на постройке бруклинских домов.

И всё же пятилетие с 1849 по 1855 г., в жизни Уитмана совершенно особое: это годы такого целеустремлённого, сосредоточенного, упорного творчества, какого до той поры он не знал никогда, годы напряжённой духовной работы. Эта-то работа и привела его, заурядного газетного подёнщика, к созданию бессмертной книги, завоевавшей ему всемирную славу.

Принимаясь за писание книги, Уитман ставил себе такие задачи, которые могли быть по плечу только гению. И первая задача была в том, чтобы сделать эту книгу подлинно американской, народной, выражающей, так сказать, самую душу Америки.

В то время в публицистике Штатов не раз высказывалась горькая истина, чрезвычайно обидная для национального самолюбия гордой за-океанской республики, что всё её искусство подражательно, что она ещё

¹ «Walt Whitman. Poet of Democracy» by Hugh Fausset, London, 1942, p. 68.